

Н.Б.ШИПУЛИНА
(Волгоград)

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ
В.В. КОРНЕВА «ФИЛОСОФИЯ
ПОВСЕДНЕВНЫХ ВЕЩЕЙ»
(М. : ООО «Юнайтед Пресс», 2011.
253 с.)**

Книга «Философия повседневных вещей» по сути посвящена реабилитации темы повседневности в современной философии культуры через критику предшественников, чаще всего рассматривающих и оценивающих эту сферу человеческого бытия как некий «низ культуры», нечто упрощенное и внедуховное, что устанавливало долгое время в социально-гуманитарном знании определенный предел не только для тщательного и серьезного анализа повседневного бытия, но и для просто исследовательского внимания ученых.

Так, с позиции критики автор монографии приводит подход Мартина Хайдеггера, рассматривающего повседневность как специфическую форму «бытия-в-мире» и характеризующего ее как «рассеянную самость», «усредненность», «растворенность в публичном», вводя специальный авторский термин *das Mann*, как нельзя лучше отражающий формы безличного «лючества» [2, с. 8]. К числу «негативно-оценочных» теорий повседневности в монографии отнесены и идеи Макса Вебера, рассуждавшего о повседневности как о «сфере рационализированной и формальной», называвшего ее «тупой», «гнетущей», «выхолощенной повседневностью» и полагавшего, что процесс «оповседневнивания» тождествен упадку и деградации высокой культуры» (Там же, с. 9). Сам В.В. Корнев при этом полагает, что «пребывание в повседневном не сводится к одной только негативности, противоположности личному экзистенциальному опыту», настойчиво говорит о необходимости выведения «вещи из плоскости простой технической рациональности в плоскость прибавочного символического значения» (Там же, с. 8, 27).

Вне всякого сомнения, В.В. Корнев в своей книге выступает как заинтересованный сторонник исследований повседневной культуры и утверждения ее значимости в жизни отдельного индивида, личности, общества. И все же, на наш взгляд, теоретическая позиция автора монографии «Философия повседневных вещей» по отношению к своему предмету – повседневности как сфере бытия культуры, по-

вседневным вещам и практикам в индивидуальном существовании индивида – достаточно противоречива. Так, в самом начале книги В.В. Корнев действительно собирается выступить апологетом такой несправедливо забытой и игнорируемой серьезной современной наукой областью культурного бытия, как повседневность, быт, обыденное существование, собственно мир вещей. Но, видимо, по ходу рассуждений, автор отвлекается и иногда меняет свой основной посыл на обратный, местами как бы извиняясь за обращение к такой постыдной области культуры, как повседневность, местами даже нападая на ее ценности, практики, объекты и критикуя теоретиков, выступающих на стороне защитников «культурологии повседневности», «социологии повседневности», «психологии повседневности», «истории повседневности».

На 7 стр. своей книги автор утверждает, что начало исследований повседневной культуры приходится на 1970–1980-е гг., что неверно в принципе, поскольку школы истории повседневности, социология повседневности сложились в самом начале XX в., а некоторые теории, кстати упоминаемые самим В.В. Корневым, сформировались в середине XIX в. (К. Маркс, Э. Дюркгейм). Из так называемых защитников темы повседневности в научных исследованиях автор называет только Ф. Броделя и Э. Гуссерля, почему-то игнорируя, например, французскую медиовистскую историко-культурную школу «Анналов» (Л. Февр, М. Блок, Ж. Ле Гофф и др.) и ее ярчайших последователей в отечественной истории (А.Я. Гуревич, Г.С. Кнабе, О. Добиаш-Рожественская, А.Л. Ястребицкая), философии (М.Н. Эпштейн), социологии (Н.Н. Козлова).

Не совсем понятно, для кого эта книга предназначена, т.е. для какого читателя: то ли для «современного обывателя» (Там же, с. 5), который, как считает автор, «последний, кто понимает мир, в котором живет», то ли для пытливого, критичного представителя научного сообщества гуманитариев, коллеги автора по научно-исследовательскому цеху – философа, антрополога, психолога, культуролога, социолога. Сам автор «Философии повседневных вещей» склоняется, как видно из текста, прояснить смыслы повседневности и «для домохозяек» среди прочих адресатов, поскольку «иногда трудно понять, где именно мы встречаем настоящую рефлексию на тему консюмеризма – в кругу философствующих маргина-

лов или в сообществе профессиональных потребителей» [2, с. 15, 7]. В то же время такими своими размышлениями В.В. Корнев, быть может, неосознанно фиксирует существенную негативную тенденцию в современной культуре: функции философии и философов берут на себя другие культурные формы и субъекты – средства массовой информации и коммуникации, публицисты, блогеры, тем самым девальвируя статус философии как науки, обладающей мощным мировоззренческим потенциалом и призванной осмысливать значимые реалии человеческой жизни на серьезном профессионально-научном уровне.

В монографии применены три методологических «ключа» к пониманию философских смыслов повседневных вещей. Во-первых, вещь рассматривается как «не только предмет, но и акт речи» (Там же, с. 12). Для раскрытия этого аспекта вещи применяются методы и процедуры семиотики, лингвокультурологии, эстетики. Во-вторых, вещь – это объект социально-экономических отношений в ее производственно-потребительской ипостаси. Видение вещей в этом ключе разработано теорией потребления, марксизмом. И, в-третьих, вещь может быть рассмотрена в качестве «предмета страсти, объекта желания» (Там же, с. 14). Методологическим инструментом для исследования этого аспекта повседневных вещей выступает психоанализ во всех его формах. На этих трех принципиальных методологических подходах строится и структура монографии, а сами способы помыслить повседневность представлены в трех главах книги – «Вещь как объект желаний», «Вещь как психологическое состояние» и «Вещь как образ». Хотя, конечно, лишь этими подходами автор «Философии повседневных вещей» не ограничивается и оперирует для подтверждения различных своих идей концептами и теориями Ж. Бодрийяра, Р. Барта, С. Жижека, Ж. Лакана, Э. Тоффлера, М. Мерло-Понти и др.

Не всегда корректным и обоснованным нам видится отбор автором конкретных объектов повседневной реальности для рассмотрения и анализа. Сам набор феноменов повседневности, подвергающийся анализу в монографии «Философия повседневных вещей», говорит скорее о том, что автору интересны не только и не столько вещи как таковые, вещи-объекты, а коллективные и индивидуальные повседневные практики или области деятельности, характеризующиеся как обыденность. Например, вся вторая глава «Вещь как психологическое состоя-

ние» посвящена анализу таких социально-культурных реалий, как насилие, развод, политика, возраст, секс, работа, инфантилизм. Хотя все эти социальные, демографические, психосоматические факторы, несомненно, выступают важными ракурсами или, вернее, структурообразующими элементами жизни человека и общества, через которые возможно говорить о повседневных вещах, сами по себе они повседневными вещами не являются. Или, например, в третьей главе «Вещь как образ» в центре внимания автора оказываются такие реалии, как Интернет, реклама, кинематограф. Вещами повседневности, по нашему убеждению, они также не являются, а скорее выступают самостоятельными социально-культурными, социально-технологическими, художественными явлениями. В этой связи можно оценивать книгу В.В. Корнева как весьма эвристичную, обладающую новизной, но лишь в смысле постановки вопросов и намечающегося проблематического поля для дальнейших исследований или нового теоретического взгляда на уже существующие концепции повседневности.

Монография «Философия повседневных вещей» обладает весьма ценным качеством, которое характеризует ее автора как пытливого исследователя, стремящегося к пониманию и демонстрации прикладного значения предмета своего научного интереса, которое, как нам видится, делает очень убедительными многие его теоретические положения и выводы. В.В. Корнев, как становится понятно по прочтении книги, – убежденный и увлеченный любитель и знаток кинематографа, поэтому практически все концептуальные разделы своего монографического труда, все отдельные замечания и целостные идеи иллюстрирует и комментирует, прибегая к ярким репрезентативным примерам из более или менее известных зарубежных и отечественных фильмов. Это, как нам видится, очень важно для современных культурологии и философии культуры. Отечественный киновед, философ Олег Аронсон замечает, что «кино – социальное явление в гораздо большей степени, чем театр, живопись или литература, которые быстро реагируют на перемены, в результате порой опережая социальные ожидания и, в каком-то смысле, даже формируя их... Кино же само – механизм социальности, ... что позволяет ему аккумулировать в себе образы, связанные не только с авторскими претензиями, культурной традицией, идеологией, но и образы

непроявленных социальных желаний» [1, с. 324]. Соответственно, понять, что и почему происходит и будет происходить с нами, нашей страной, миром в целом, что в прошлом было источником или причиной современных социальных явлений, будь это открытия и достижения или проблемы и катастрофы, можно не только в умозрительных рассуждениях и абстрактных теоретических философских построениях, но и в эмпирическом анализе фактов, процессов человеческой жизни как таковой, а также ее художественных отражений. И кинопроизведения для XX–XXI вв. – это уникальный документ, неоценимый источник для философии культуры.

Современный культуролог и публицист Джозеф Собран о значимости кинематографа для понимания современных культурных процессов и явлений пишет: «Мне больше всего нравятся те картины, в которых история присутствует непреднамеренно. Старые фильмы показывают нам старые манеры и стандарты поведения, которые прежде связывали ... общество воедино. ... Как ни странно, именно когда фильмы не пытаются нас чему-то учить, они наиболее красноречивы. Они дают нам точное отражение того, как люди понимали нормы своего поведения, когда они об этом не думали. Они показывают нам то, что не вызывало сомнений...» [3, с. 154]. Именно поэтому В.В. Корнев как современный исследователь культуры, философ в качестве историко-культурного источника, документа как для иллюстрации своих наблюдений и выводов, так для аргументации важных теоретических положений использует киноматериал и, никак не оговаривая это в определении своего методологического инструментария, использует методы визуальной антропологии культуры. В этом отношении ему удалось сделать свою книгу очень авторской, личностной, живой и эмоциональной.

Литература

1. Аронсон О. Коммуникативный образ (Кино. Литература. Философия). М. : Нов. лит. обозрение, 2007.
2. Корнев В.В. Философия повседневных вещей. М. : ООО «Юнайтед Пресс», 2011.
3. Эон. Альманах старой и новой культуры / отв. ред. Р.А. Гальцева; пер. и ком. В.М. Ошерова. Вып. 8: Джозеф Собран – культуролог и публицист: Против течения... М., 2008.

В.В. ЩЕГЛОВ
(Волгоград)

ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ВОЛГОГРАДСКОГО РЕГИОНА ГЛАЗАМИ УЧЕНЫХ

Направления развития социальных, экономических, политических и культурных характеристик Волгоградской области можно определять несколькими способами. Например, можно рассматривать планируемое финансирование тех или иных отраслей на региональном и федеральном уровнях. Если сопоставить динамику таких расходов, то можно было бы увидеть основные тенденции. Другой вариант – анализ программных, в том числе предвыборных деклараций руководителей региона, депутатов областной думы и т.д. Однако при первом подходе не вполне понятен механизм формирования бюджета: какие партии или другие группы влияния пролоббировали свои локальные интересы, как сочетаются федеральные и региональные интересы, в какой степени ориентации бюджета определяются перспективами, а в какой – неотложными нуждами региона («латанием дыр»)? Во втором варианте непосредственные социально-политические цели даже более ясны, зато на первый план выходит высокий уровень субъективности такого рода заявлений, которые могут определяться субъективными предпочтениями руководителя, опытом его предыдущей политической или экономической деятельности, наличием соответствующей «команды» и т.д. Кроме того, учитывая высокую активность разных форм ротации руководства областного центра и самой области, нельзя дать гарантии, что означенные цели будут реализованы, тем более в полном объеме.

В связи с данными обстоятельствами мы выбрали другую форму анализа тенденций развития Волгоградской области. Нам кажется, что некоторое сочетание интересов федерального уровня принятия решений, регионального законодательного собрания, действующей администрации области и регионального научного сообщества может дать более или менее объективную картину, «общий вектор» направлений наиболее перспективно-го развития Волгоградского региона.

В качестве информационных материалов по данному вопросу мы выбрали данные